

Номер Раз

Зима 2023



НИИЧАВО

Журнал изучения и критики научной фантастики

Слово редактора

Доброго времени суток, уважаемые читатели! Вашему вниманию предлагается первый номер электронного журнала (киберзина) «НИИЧАВО», который станет проводником в мир изучения и критики научной фантастики (НФ), фэнтези и исследования истории отечественного и зарубежного фэндома.

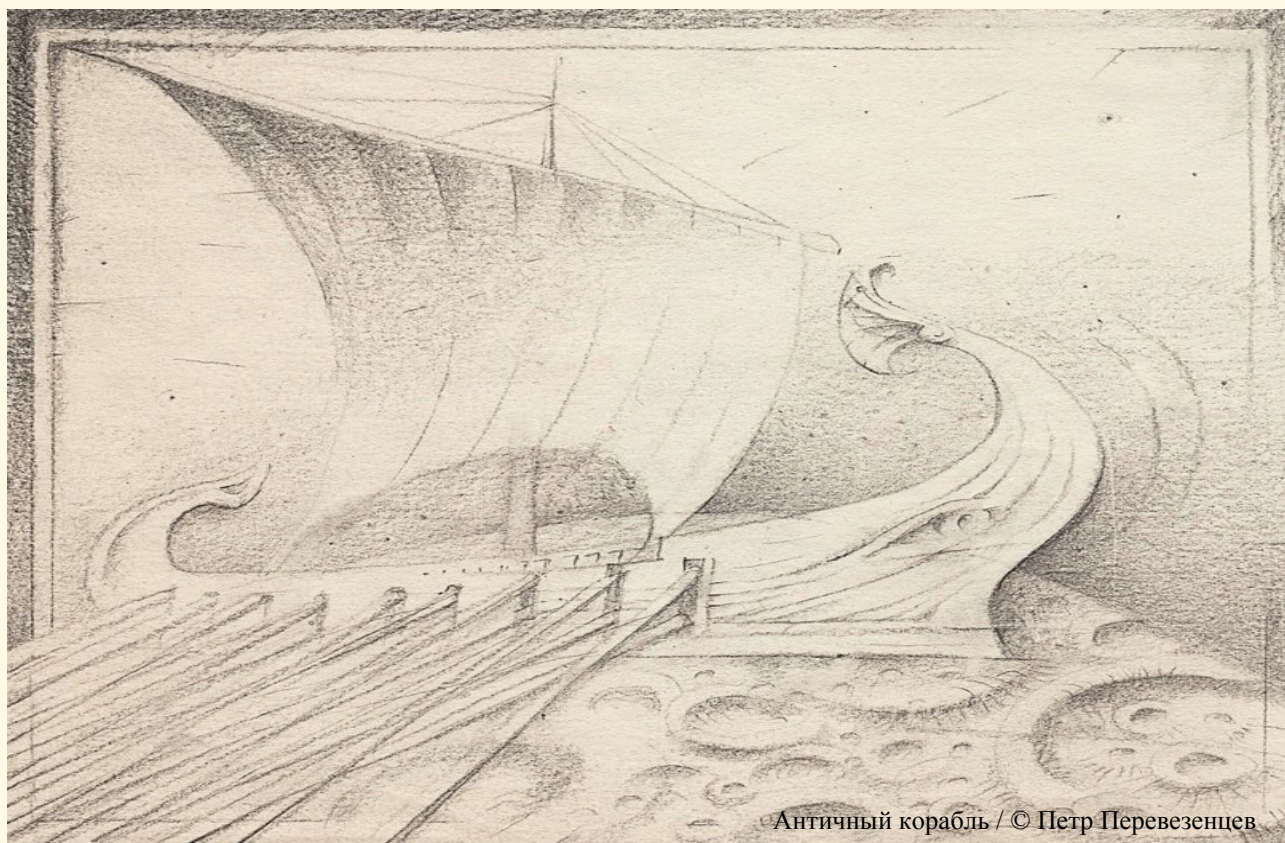
Напомню, что активно историю научной фантастики начали изучать в 1970-х годах, когда широкие круги общества стали воспринимать жанр всерьёз. В Соединённых штатах Америки и в Великобритании один за другим появлялись университетские курсы по научной фантастики, которые породили одни из первых монографий, биографий и автобиографий авторов НФ, а потом и целый поток любительских и академических журналов (*Extrapolation*, *Foundation*, *Science-Fiction Studies*, *Riverside Quarterly*, *Science Fiction Commentary* и других). В октябре 1970 года для поощрения и развития преподавания научной фантастики и научных исследований в данной области возникла Ассоциация исследований научной фантастики (SFRA), которая существует и по сей день. Чуть позже аналогичные ассоциации появились в Великобритании, Австралии, Канаде и других государствах. В нашей стране, к сожалению, организации подобного толка не возникло, также как и профессионального журнала, посвящённого истории и критике НФ. Однако усилиями десятков фэнов, раскиданных по всей территории Советского Союза, а позже и России, в конце 1980-х — начале 1990-годов, расцвели буйным цветом литературно-критические и библиографические фэнзины (*ИнтеркомЪ*, *Академия-Ф*, *Оверсан*, *Измерение-Ф*, *Сизиф*, *АБС-панорама*, *Семечки* и другие), которые попытались исправить данную оплошность! Сегодня в эпоху развитого интернета, социальных сетей, искусственного интеллекта и роботов большая часть фэнзинов уже не выпускается, но это не значит, что реальность и наука обогнали прогнозы и решили проблемы, которые писатели научной фантастики обсуж-

дали, конструируя гипотетические миры. Сегодня, как никогда раньше, появляется значительное количество книг, фильмов, игр, в основе которых лежат научно-фантастические предпосылки, домыслы и гипотезы. Поэтому интерес к жанру, его истории и развитию, а также его авторам сохраняется. В России с каждым годом появляется все больше книг и отдельных материалов, посвящённых изучению НФ. В данном фарватере планирует двигаться и наше издание.

Киберзин «НИИЧАВО», как и многие иностранные журналы, начнёт свой путь с той области НФ, в которой его авторы лучше всего разбираются, а затем расширит охват, когда приобретёт понимание и уверенность. Нас и Вас ждёт процесс роста, поэтому мы постараемся не ограничиваться изучением избранных писателей, которые каким-то образом обрели академическую приемлемость. Мы планируем рассказать о широком векторе развития фантастической литературы, хотя на первых порах будем наполнять издание совсем небольшим количеством оригинального материала, а уделим значительное внимание переводным статьям. Кроме того, мы нацелены на активное взаимодействие с читательской аудиторией, мы ждём от Вас критики, предложений и материалов (за вознаграждение) в наш адрес.

В первом номере Вас ждёт небольшой обзор фантастики автора II века н.э. («деда НФ») Лукиана Самосатского; автобиографический очерк «Семь шагов к Гранд-мастеру» Айзека Азимова; «экскурсия» в китайский Музей научной фантастики; обзор фантастиковедческих работ, появившихся в последние месяцы; и рубрика «Из фантастики в реальность».

С уважением, Ваш, Александр Привалов



«Я буду писать лживо»: фантастика

Лукиана Самосатского

Многие критики и историки научной фантастики, пытаясь обнаружить истоки жанра, перелопачивали горы древних свитков и ветхих книг. После продолжительных раскопок в поисках прародителя они иногда наткнулись на сочинения «Правдивая история» и «Икароменипп, или Заоблачный полет» античного писателя Лукиана из Самосаты.

Будущий греческий ритор и писатель Лукиан родился около 125 года в го-

роде Самосате сирийской провинции Римской империи. Это город на западном берегу Евфрата; роман Фейхтвангера «Лже-Нерон» сделал название этого города узнаваемым. Большая часть жизни Лукиана пришлось на золотую эпоху процветания и стабильности в период правления императоров из династии Антонинов: Адриана, Антония Пия и Марка Аврелия (это его позже называли «философ на троне»). Лукиан много путешествовал и побывал в самых

великолепных городах империи — Риме, Антиохии и Афинах. Поездки, общение с философами в центрах эллинистической и римской культуры расширили его кругозор и обогатили жизненный опыт. В молодости Лукиан учился в Ионии (сегодня — западное побережье Турции) и стал профессиональным оратором (ритором). Примерно до сорока лет он зарабатывал на жизнь произнесением речей в судах, а позже, видимо испытал кризис среднего возраста, взялся за стилус и начал сочинять комические, сатирические и пародийные диалоги и трактаты. Исследователям не удалось установить время его смерти, но это произошло после 180 года.

На протяжении последующих веков отношение к сочинениям Лукиана колебалось. Исследователи сходятся во мнении, что его современники и преемники относились к Лукиану с большим уважением. Ранние христианские мыслители не слишком восхищались Лукианом, его сатирической и языческой (у них это было ругательством) литературой. Однако ко времени Возрождения он вновь завоевал благосклонность учёных людей. Italianские гуманисты перевели его сочинения с греческого на латынь,



Вымышленный портрет Лукиана / © Уильям Фэйторн

затем последовали переводы на другие европейские языки. На русский фрагменты Лукиана впервые перевёл М.В. Ломоносов.

Многочисленные сочинения Лукиана, дошедшие до нас во многих списках и отрывках, разнообразны. Тут и юмор, и ядовитая сатира (в адрес разных философов и различных религиозных систем), и исследование серьёзных философских вопросов морали и политики. А ещё это фантастика, его «Правдивая история» — не только первое подробное повествование о путешествии на Луну, но и, возможно, самое странное. На лунной поверхности Лукиана, куда попадает рассказчик вместе с командой своего корабля благодаря сильному порыву

ветра, мы встречаем причудливых зверей: трёхголовых конекоршунов, на которых верхом ездят воины лунян, огромных блох, комаров и других гигантских насекомых. Создаётся впечатление, что Рабле вдохновлялся «Правдивой историей» во время рассказа о Гаргантюа в стране великанов.

Фантазия Лукиана отнюдь не ограничивается гигантоманией, он уделяет особое внимание инновационным методам воспроизводства, необходимым в стране, лишённой женщин, которой является Луна. В одной части Луны младенцы появляются из распухших икр мужчин. У народа, известного как «древесники», существует другой способ: у человека отрезают правую половую железу, сажают её в грунт, и из неё вырастает «огромное мясистое дерево», напоминающее символ Приапа, а из его плодов, огромных желудей, «вылупляются» люди.

Лунная интерлюдия — лишь один эпизод в большом перипатетическом произведении. Вернувшись на Землю, путешественники попадают на съедение к огромному киту и живут в его брюхе два года; они посещают острова, на которых молоко течет, как

вода; видят народы, живущие на поверхности океана, опираясь на ноги, сделанные из пробки вместо плоти; побывают со знаменитыми мертвецами — героями Троянской и других войн — на острове блаженных. Фантазия Лукиана кажется безграничной.

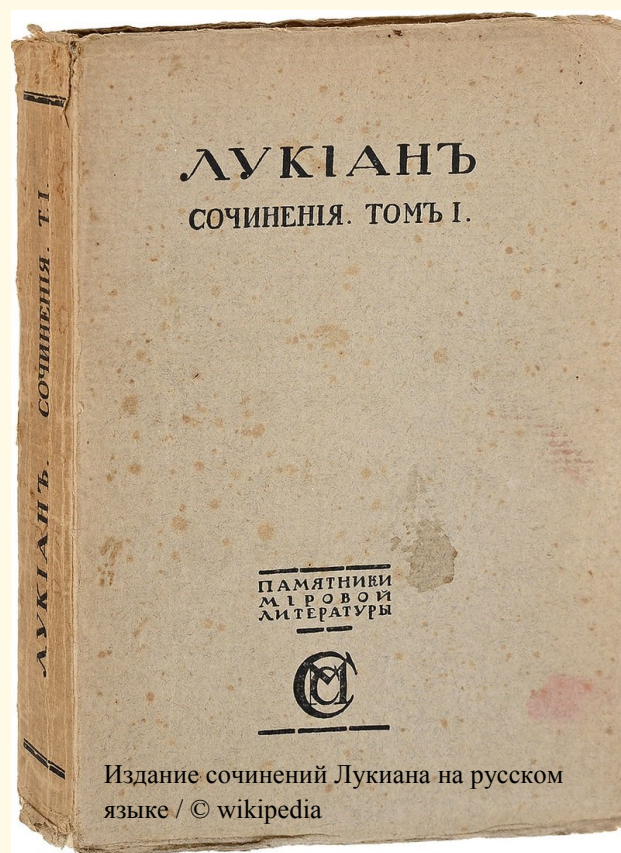
Для читателей II века путешествие на Луну было фантастическим, особенно если прибавить столь забавный бестиарий, включённый в повествование, поэтому история явно не «правдивая». Название книги провоцирует читателя и отсылает к парадоксу древнегреческого философа VII века до н. э. Эпименида Критянина. Он сформулировал, что «все критяне лжецы», следовательно, если он говорит правду, то он лжёт, но если он лжёт, то он говорит правду. Так что, когда Лукиан называет свою фантастическую историю (которая высмеивает лжецов) «Правдивой историей», он ссылается на один из ключевых парадоксов философии.

В прологе Лукиан исследует проблему авторитета повествования — ключевую проблему для литературной критики XX века. С очевидной ссылкой на Эпименида, Лукиан провоз-

глашает: «Одно я скажу правдиво: я буду писать лживо. Это моё признание должно, по-моему, снять с меня обвинение, тяготеющее над другими, раз я сам признаю, что ни о чем не буду говорить правду». Поскольку его текст разворачивается на фоне парадокса, Лукиан мешает читателю обрести какую-либо точку опоры, с которой можно объективно судить об истинности ценности повествования. Его утверждение напоминает эпосы Гомера и «Историю» Геродота, а также диалоги Платона. Он также предвосхищает невозможность клятвы Руссо в честности в начале его «Исповеди» столетия спустя; парадокс Эпименида применим почти к любому художественному произведению, которое претендует на то, чтобы излагать правду.

«Правдивая история» высмеивает философские школы, обманутые их собственной некритической самонадеянностью, когда дело доходит до утверждения и оценки истины. В том, как Лукиан раскрывает способ растворения литературно-критических терминов друг в друге, его сатира имеет много общего с постмодернистским мировоззрением, потому что художественная литература говорит «правду», но она объявляет себя

«выдуманной»; и наоборот, «история» считается «истинной», но также имеет тенденцию быть «выдуманной», потому что авторитет автора всегда ставится под сомнение, как и надёжность любого источника. Эти вопросы — прямой путь к Ницше и его французским последователям.



Лукиан делает проблему ещё более актуальной, вставляя в вымышленное повествование утверждения, которые не противоречат реальности. Включение научных фактов и правдоподобных интерпретаций физических явлений во многом способствует установлению такого рода правдоподобия,

которое придаёт любому вымыслу убедительность. Но оно может убедить читателя в том, что граница между правдой и вымыслом в лучшем случае размыта. Например, упоминание Лукианом Венеры, или «утренней звезды», как места битвы между Луной и Солнцем соответствует современным ему греческим знаниям о затмении Венеры Луной и о прохождении Венеры через Солнце.

Наиболее вероятным источником некоторых правдоподобных аспектов работы Лукиана является труд Плутарха «О лике, видимом на диске Луны». Трактат Плутарха — сборник представлений о лунной поверхности и фазах Луны во времена Плутарха. Знакомство с этим сочинением полезно для понимания текстов Лукиана потому, что Плутарх предлагает взгляд на Луну как на подобие Земли во многих отношениях, тем самым придавая достоверность описаниям Луны в «Правдивой истории» как обитаемого мира.

Лукиан также использует сатиру, чтобы высмеять псевдонауку и суеверия, особенно когда он пишет: «Каждый из рассказов содержит тонкий намёк на одного из древних поэтов, историков и философов, написавших так

много необычайного». Хотя поэты, такие как Гомер, и историки, такие как Геродот, также страдают от сатирической плети Лукиана, но всерьёз он нападает лишь на философов. Лукиан критикует лицемерие тех, кто возводит себя в ранг арбитров истины и лжи, в то же время прибегая к «фикциям» — например, к аллегории пещеры Платона. Он пишет: «Я не ставлю всем этим рассказчикам вымыслы в особую вину, потому что мне приходилось видеть, как сочинительством занимаются также люди, посвящающие свое время, как они говорят, только философии».

«Правдивая история» высмеивает, а местами пародирует Гомера (Лукиан отправляет Одиссея на Луну), Геродота, Ксенофонта, Фукидида и других авторов, чьи произведения были утрачены, таких как Ямбул.

Парусник Лукиана отнюдь не космический корабль. Его искатели приключений не собираются лететь на Луну, и цель автора не в том, чтобы сделать такое путешествие правдоподобным или размышлять о том, что мы могли бы обнаружить на естественном спутнике Земли, если бы действительно смогли совершить такое путешествие. Но, как считают

многие историки фантастики, парусный корабль не так уж сильно отличается от воздушного шара Эдгара Аллана По или пушечного снаряда Жюль Верна, и эту историю, вероятно, читали (или слушали) в основном из-за её приключений и изобретательности рассказчика.

И наконец, способ, которым Лукиан заканчивает свою «Правдивую историю», также является издёвкой над философами, поскольку Лукиан обещает то, что он не может и не имеет никакого намерения выполнить, — полноту или завершение. Лукиан дразнит читателя заключительной строкой второй части книги: «Что же касается моих приключений на материке, то о них я поведаю в следующих книгах». Напоминает знаменитый слоган «продолжение следует», однако комментаторы Лукиана указывают: «Это самая большая ложь из всех». Общепринятая точка зрения такова — автор не намеревался заканчивать «Правдивую историю». Говоря языком современного Интернета, Лукиан «потроллил» своих читателей.

Следующая работа Лукиана, озаглавленная «Икароменипп, или Заоблачный полет», также включает путеше-

ствие на Луну, хотя, в отличие от «Правдивой истории», это более явная сатира. «Икароменипп» представляет собой диалог между Мениппом и его другом, в котором первый рассказывает, как он прикрепил орлиное крыло к правой руке и крыло коршуна к левой и использовал их, чтобы взлететь в небеса (на манер легендарных Дедала и Икара; отсюда и название).

Диалог начинается с представления Мениппа, недовольного уровнем своих знаний: «Наиболее непонятным и загадочным представлялось мне все, что касалось Луны, многообразие её видоизменений, казалось мне, вызывается какою-то тайною причиной». Поэтому он решает обратиться к философам «Я выбрал среди них лучших — если свидетелями достоинства считать угрюмое лицо, бледный цвет кожи и густую бороду, — и действительно, на первый взгляд они показались мне людьми красноречивыми и знакомыми с небесными явлениями». Однако ответы, которое они дали, — не более чем вымысел, «не будучи в состоянии ответить даже на такой простой вопрос, какое расстояние от Мегар до Афин, они точно знают, каково расстояние между Лунной и Солнцем». Поэтому Менипп,

разочарованный противоречивыми спорами земных философов, каждый из которых претендует на непогрешимость и знание истины, решает спросить Зевса на небесах о реальном положении дел. Сначала он взлетает на Луну, где получает великолепный наблюдательный пункт, с которого может обозревать Землю. Затем он пролетает мимо Солнца и поднимается к самому небу, чтобы посоветоваться с Зевсом.

Сочетание философских рассуждений и сатиры стало жанром, который позже получил название «мениппова сатира». Как и в «Правдивой истории», философы несут основную тяжесть сатирического остроумия Лукиана, и диалог достигает своего апогея, когда Зевс клянётся Мениппу, что «все философы вместе с их диалектикой будут истреблены».

В «Икаромениппе» внимание Мениппа привлекают мелкие слабости человечества: скрытые мотивы и тайное лицемерие, неразличимые на Земле, которые можно обнаружить с наблюдательного пункта на Луне. Более того, цари так же греховны и подвержены разврату, как и простые люди — ни один класс людей не является образцом морального поведения. На

протяжении всей истории западной литературы многие писатели будут использовать устройство путешествия на Луну или другую планету, чтобы получить перспективу, с которой можно оглянуться назад на Землю и высмеять её гордых обитателей. Однако Лукиан был первым, кто это сделал.

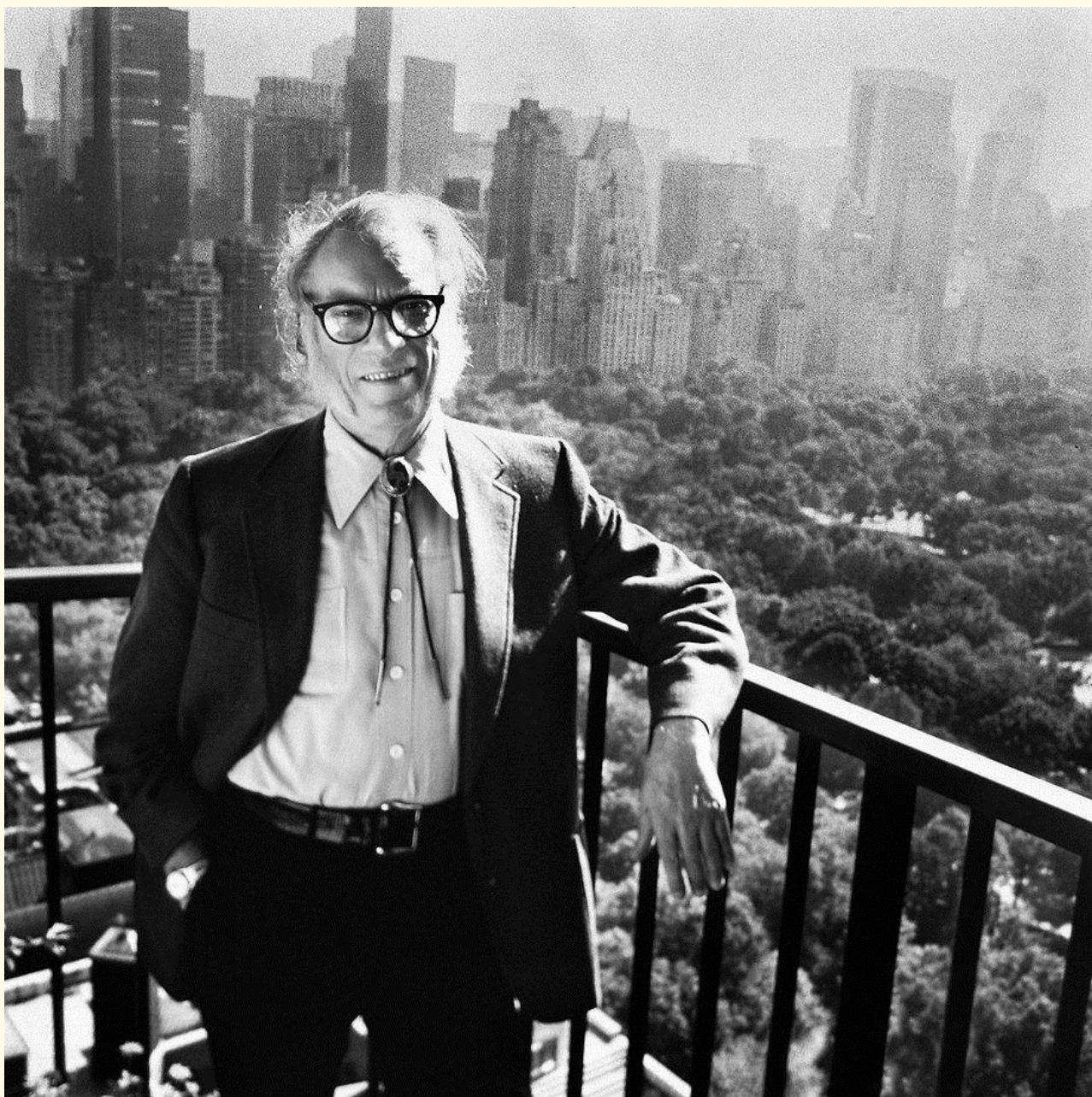
С Луны Менипп видит мир как маленький и хрупкий объект, на поверхности которого войны и империи кажутся абсурдными: «Бросил я взгляд и на Пелопоннес и, заметив Кинурию, вспомнил, как много аргивян и лакедемонян пало в однодневной битве за обладание клочком земли размером не более зерна египетской чечевицы». Лукиан выразил чувство, которое испытывал почти каждый человек, которому посчастливилось побывать в космосе и посмотреть на Землю, — глубокое и почти религиозное чувство хрупкости нашей планеты, нашей «бледно-голубой точки», как назвал ее Карл Саган, и глупость конфликтов между странами, разделёнными произвольными линиями, нарисованными на картах. Как говорит Менипп, «я смеялся над теми, которые спорят о границах своих владений и гордятся тем, что обрабатывают равнину Сикиона, владеют зем-

лєю у Марафона, в соседстве с Эноей, и обладают тысячью плефров в Ахарнах».

Чтобы добиться успеха, сатира должна преподать какой-то нравственный урок, преследовать какую-то дидактическую цель. Откровения о путешествиях Лукиана на Луну кажутся довольно простыми, однако древний автор говорит нам, что мы не должны воспринимать все слишком серьёзно, особенно когда речь заходит о философии.

Материал впервые был опубликован в журнале «Химия и жизнь», декабрь 2020 года.

Автор — А.Р.



Айзек Азимов

СЕМЬ ШАГОВ К ГРАНД-МАСТЕРУ

Шаг 1. Отправляюсь в путешествие за Океан

Я родился в России. Страна только что пережила Первую мировую войну, революцию и гражданскую войну с интервенцией. Навязываться народу в

столь трудное время было довольно безжалостно с моей стороны, но я не считаю себя виноватым. Поступок, который привёл к моему появлению на свет, был поступком моих родителей.

В конце 1922 года мои родители решили, что было бы неплохо эмигрировать в Соединённые Штаты. Они хорошо жили; не скатываясь в крайнюю нище-

ту; не страдая от чрезмерных проблем, в Советский Союз. В то время мне был от которых пыталась оправиться стра- двадцать один год, и я подозреваю, что на, но они подозревали, что в долго- принял бы участие в боевых действиях срочной перспективе им будет лучше в и вполне мог быть убит или, что ещё Соединённых Штатах. Одна из про- хуже, взят в плен. Или, если бы я вы- блем, с которой им пришлось столк- жил, у меня, возможно, возникли бы нуться, я полагаю, заключалась в том, проблемы с режимом из-за моей брать ли меня с собой. Мне не было склонности говорить, когда и что мне ещё и трёх лет, и из-за того, что я забо- заблагорассудиться. (Если задуматься, лел двусторонней пневмонией, упал в то я часто попадал в неприятности в соседский пруд и (после некоторого США, именно по этой причине). колебания) был вытаскен моей мате- И, наконец, я не знаю, есть ли у них в рью и доставил родителям другие ра- Советском Союзе награда Гранд- достки подобного рода, я полагаю, они мастера, так что в целом поездка за чувствовали, что в долгосрочной пер- океан была необходима.

Шаг 2. Настаиваю на собственной идентичности

Как только мы оказались в Соединённых Штатах, мои родители поняли, что они получили новый статус - статус «жёлторотиков». Окружающие стремились давать советы и направлять наши неуверенные шаги на пути к американскому гражданству, особенно старые переселенцы, те, что сошли с корабля пять лет назад. Одна соседка сказала моей матери в моём присутствии (мне тогда было четыре или пять лет, и я был очень маленьким для своего возраста, поэтому меня никто не замечал, так что на меня часто наступали): «Почему вы называете его Айзеком, миссис Азимова? С таким именем здесь. В 1941 году нацисты вторглись на нём всегда будет клеймо позо-

ра» (или «Все будут знать, что он еврей»).

- Так как же мне его звать, миссис Биндлер?

И миссис Биндлер (или как там её звали) сказала: «Зовите его Ирвингом». (Ирвинг это старинная аристократическая английская фамилия). Моя мать была очень впечатлена и, несомненно, приняла бы это предложение, но, как я уже сказал, я внимательно их слушал. Я понимал, что меня зовут Айзек и, что я не смогу быть самим собой, если меня станут звать иначе. (Или, как я однажды довольно аккуратно выразился: «Если, мы называем что-то розой, вряд ли оно станет пахнуть столь же сладко»).

Я считал, что я Айзек, и если бы меня называли как-то иначе, я бы не был собой. После чего я поднял то, что мы в те дни называли «ором», категорически отказываясь, при любых условиях, позволять называть меня Ирвингом. Я был Айзеком, и я намеревался остаться Айзеком, и мне это удалось. Мать просто сникла под силой моего негодования. То был мой второй шаг к Гранд-мастеру. Если бы я согласился стать Ирвингом, то это имя оказалось бы таким же клеймом, как и Айзек, потому что множество еврейских матерей искали спасения для своих молодых надежд, поэтому Ирвинг стал таким же еврейским именем, как и Айзек, хо-

тя и без библейского оттенка последнего. (Кроме того, Ньютона тоже звали Исаак (Айзек), и это даже лучшая реклама имени, нежели отсылка к Библии, так я считаю). Сбежав от Айзека, я бы, в конце концов, презирав Ирвинга и сменил бы имя на Иэн. Затем, поняв, что Иэн не подходит к Азимову, я сменил бы фамилию на Эшфорд, и как Иэн Эшфорд я писал бы свою научную фантастику. Теперь я твёрдо верю в ценность имён. Никто бы не заметил и не запомнил такого имени, как Иэн Эшфорд. Однако имя Айзека Азимова сразу привлекает внимание. Люди смеются и долго обсуждают, как это можно произнести. Когда появляется вторая история, подписанная тем же именем, они видят её снова, и вскоре с трудом могут дождаться ещё одной истории от меня. Даже если история не очень хороша, фамилия составляет потрясающую часть обсуждения автора. Я бы канул без следа, если бы у меня не хватило здравого смысла сохранить собственное имя.

Шаг 3. Жизнь на линии метро

Мне было восемнадцать лет, и у меня наконец-то появился рассказ, который я хотел представить Джону В. Кэмпбеллу-младшему, новому редактору «Поразительной научной фантастики». Беда в том, что я не знал, как это сделать.

Логично было отправить рассказ по

почте, но история вместе с конвертом весила чуть больше трёх унций, значит, следовало наклеить четыре марки по три цента, итого двенадцать центов. Если я поеду на метро, это будет стоить пять центов в одну сторону или десять центов всего. Конечно, поездка на метро означала бы полчаса моего времени в каждую сторону, но в те дни моё время ничего не стоило. Взвесив относительные значения двенадцати и

десяти центов, я пришёл к выводу, что два цента это ценный материал. Поэтому отправился на метро. Подойдя к секретарше в агонии от испуга, я попросился к мистеру Кэмпбеллу, ожидая, что меня вышвырнут вместе с рукописью, которая полетит вслед за мной, развалившись на четыре части.

Кэмпбелл согласился встретиться со мной, и мы пообщались около часа. Он быстро прочёл рассказ и прислал отказ с очень любезным и полезным письмом. После этого я навещал его раз в месяц, катаясь на метро. Каждый раз, когда видел редактора, я пытался предложить Кэмпбеллу новую идею. Однако время от времени у Кэмпбелла появлялась собственная. В соревновании между идеей писателя и одной из идей Кэмпбелла всегда побеждал Кэмпбелл, по крайней мере, когда в нём участвовал я.

Однажды Кэмпбеллу пришла в голову потрясающая идея, и он страстно желал её осуществить, то есть навязать какому-нибудь писателю. Он никогда не рассказывал мне подробностей, но картина, которая осталась у меня в голове, это Кэмпбелл, сидящий в кабинете, как стервятник, ожидающий, когда невинный писатель войдёт в его логово (предполагаю, что у стервятников есть логова), любой невинный писатель. Должно быть, для него стало неприятным потрясением, когда я, в возрасте двадцати одного года и такой же невинный, как они, вошёл и сказал: «Здравствуйте, мистер Кэмпбелл».

Шаг 4. Я появился в нужный момент

Это, несомненно, дань уважения тому, редких случаях для этого требовалось как эта идея захватила его, что после два или три представления в журна- минутного содрогания он отверг лы).

мысль, которую я пытался выдать, и сказал: «Не парься, Азимов. Послушай лучше цитату из эссе Эмерсона».

Он прочёл её: что-то о том, что если бы люди могли видеть звёзды только раз в тысячу лет, они бы получили от этого огромное удовольствие.

- Они бы не получили удовольствия, - сказал Кэмпбелл. - Они сошли бы с ума. Я хочу, чтобы ты поехал домой и написал об этом рассказ. С глаз моих долой! Марш!

Дрожа от страха, я вернулся домой, сел за пишущую машинку и напечатал «Приход ночи». История появилась в сентябрьском номере журнала за 1941 год и попала на обложку. Это был мой первый хит, после почти трёх лет попыток. Роберту Хайнлайну удалось попасть на страницы журнала с первой попытки; А.Э. ван Вогт сделал это со своим первым рассказом; Артур Ч. Кларк сделал это со своим первым рассказом, и я был почти так же хорош – попал в журнал со своим шестнадцатым рассказом.

«Приход ночи» ознаменовал поворотный момент. С момента этой продажи я никогда не упускал возможности продать очередное написанное мной художественное произведение (хотя в

Иногда я просыпаюсь посреди ночи с криком, потому что мне приснилось, что Теодор Старджон или Лестер дель Рей вошли в офис Кэмпбелла в тот день на полчаса раньше меня. Если бы они это сделали, бах, то очутились бы на моём Гранд-мастерком корабле.

Шаг 5. Упорство друга

Одной из историй, которую я не продал, поначалу, была повесть под названием «Состарься вместе со мной» [первая редакция романа «Кашек в небе»].

Я написал её для «Потрясающих историй» по просьбе редакции, и, в конце концов, они её отклонили. Дело было в 1947 году, через шесть лет после «Прихода ночи». Событие так потрясло меня, что я решил, что пик моей карьеры пройден, в конце концов, мне уже 27 лет, и я скатываюсь в пропасть, чтобы присоединиться к Эду Эрлу Риппу и Харлу Винсенту (двум идолам научной фантастики начала тридцатых годов).

Два года спустя издательство «Даблдей» решило выпускать серию научно-фантастических романов в твёрдой обложке. Для этого им нужны были романы. Я, конечно, с моей привычной способностью держать руку на

пульсе издательства, ничего об этом не знал.

Но у меня был друг - Фред Пол. Он подошёл ко мне и сказал: «Даблдей» ищет роман. Как насчёт той повести, которую ты написал для «Потрясающих историй»?».

Я ответил: «Фред, там всего лишь соток тысяч слов. И она плохо пахнет».

Он задумал: «А что, если им она понравится, ты можешь удлинить её. И если ты не скажешь, что она плохо пахнет, они могут и не учуять».

Но я не хотел переживать ещё один отказ, поэтому заявил: «Я не хочу предлагать повесть».

«А я настаиваю», - сказал Фред.

У меня закончились аргументы против спокойной настойчивости Фреда, и я позволил ему взять историю. Он познакомил «Даблдей» с повестью. А издательство попросило меня расширить историю до семидесяти тысяч слов и приняло её для публикации. Книга появилась в январе 1950 года под названием «Камешек в небе», и с тех пор роман приносил мне деньги в каждом из семидесяти четырёх отчётов о продажах «Даблдей», которые я получил с тех пор.

Более того, у «Даблдей» вошло в приятную привычку принимать мои рукописи как нечто само собой разумею-

щееся. На сегодняшний день они опубликовали 102 мои книги и несколько ещё находятся в печати.

Я уверен, что был бы достаточно успешным писателем процветая на журнальных рассказах, но я был бы намного беднее, чем сейчас, если бы не писал романы, и я бы не стал известен. На самом деле, если бы Фред не настоял на том, чтобы представить издательству повесть в тот день в 1949 году, я сомневаюсь, что когда-либо смог бы претендовать на звание Гранд-мастера.

Шаг 6. Критик задаёт вопрос

В 1957 году я опубликовал роман «Обнажённое солнце», научно-фантастический детектив. Кроме того, в нём присутствовала довольно простенькая история любви с довольно трогательной финальной сценой.

Деймон Найт пролистал книгу, и на него ни в малейшей степени не произвели впечатления ни научная фантастика, ни детективные загадки. (Я полагаю, он имеет право на собственное мнение, но я не могу свыкнуться с этой мыслью). Как бы то ни было, ему понравилась история любви. «Если вы можете писать, как Азимов, - риторически заметил он в своей рецензии, - то зачем утруждаетесь написанием научной фантастики?».

На что я ответил в письме, которое по-

явилось в журнале, в котором ранее напечатали рецензию: «Потому что я люблю научную фантастику. Что бы ни случилось, я никогда не перестану писать научную фантастику».

А потом, в 1958 году, на следующий же год, я внезапно устал от научной фантастики.

Продолжение «Обнажённого солнца» скончалось, не достигнув типографии, и я понял, что мне не хочется писать художественную прозу. И всё же, как я мог остановиться? Я вспомнил ответ на вопрос Деймона, но я просто не мог вернуться к своему любимому жанру.

Именно в то время, когда я колебался, Роберт П. Миллс, тогдашний редактор журнала «Фэнтези и научной фантастики», попросил меня вести ежемесячную научную колонку. Я ухватился за неё, потому что это позволило бы мне писать научную литературу и при этом оставаться в области научной фантастики. Это было идеальное талмудическое решение. Первая научная колонка появилась в ноябрьском номере «Ф&НФ» за 1958 год, и колонка существует до сих пор, двадцать девять лет спустя. В течение двадцати лет после этой первой колонки я писал в основном научно-популярную литературу.

Имейте в виду, я не бросил научную фантастику полностью. За это время я

написал два романа и десятки рассказов, но по сравнению с моими предыдущими творениями это казалось каплей в море. Если бы не колонка «Ф&НФ», которая, возможно, не появилась бы без вопроса Деймона и моего ответа, я, несомненно, был бы забыт поклонниками и стал бы очередным Дэвидом Х. Келлером. Колонка удерживала меня в фарватере фантастики вплоть до основания «Журнала научной фантастики Айзека Азимова» в 1977 году и настойчивого требования «Даблдей» в 1981 году обратиться к романам, так я вернулся в струю. Колонка, постоянно державшая меня на виду у публики в сухой период, позволила мне заслужить звание Гранд-мастера.

Шаг 7. Я ещё жив

Естественно, меня поджидали превратности судьбы. В 1972 году была проведена операция по удалению доли щитовидной железы, а в 1977 году случился лёгкий сердечный приступ. Я с лёгкостью пережил и то, и другое. А потом, осенью 1983 года, моя стенокардия внезапно стала такой сильной, что я едва мог преодолеть холл в своём многоквартирном доме.

14 декабря 1983 года мне сделали тройное шунтирование, и я приобрёл после него в прекрасную форму благодаря очень умелому хирургу. На следующее утро я сказал: «Медсестры заве-

рили мне, что операция прошла очень хорошо». На что он ответил: «Что значит «очень хорошо»? Это было просто потрясающе!».

Похоже, на правду, и если бы операция не была бы проведена успешно, вряд ли сейчас мне вручили бы награду. Именно хирургу я обязан титулом Гранд-мастера.

Вывод? Простой. Я не имею к награде никакого отношения. Если бы мои родители не привезли меня сюда; если бы моя мать не решила оставить моё имя, если бы рядом с домом не было линии метро; если бы я не забрёл в офис Кэмпбелла в нужный момент; если бы Фред Пол не настоял, если бы Деймон Найт не задал вопрос; и если бы у хирурга дрогнула рука, я остался бы ни с чем. Как бы то ни было, я Гранд-мастер и мне это нравится, как будто я всё сделал сам.

Перевод — А.Р.



Музей научной фантастики в Чэнду

Музей научной фантастики в Чэнду (Китай), созданный архитектурной студией Zaha Hadid Architects, недавно открыл свои двери, приняв Всемирный конвент научной фантастики (Worldcon). В стенах Музея вручили престижную премию «Хьюго».





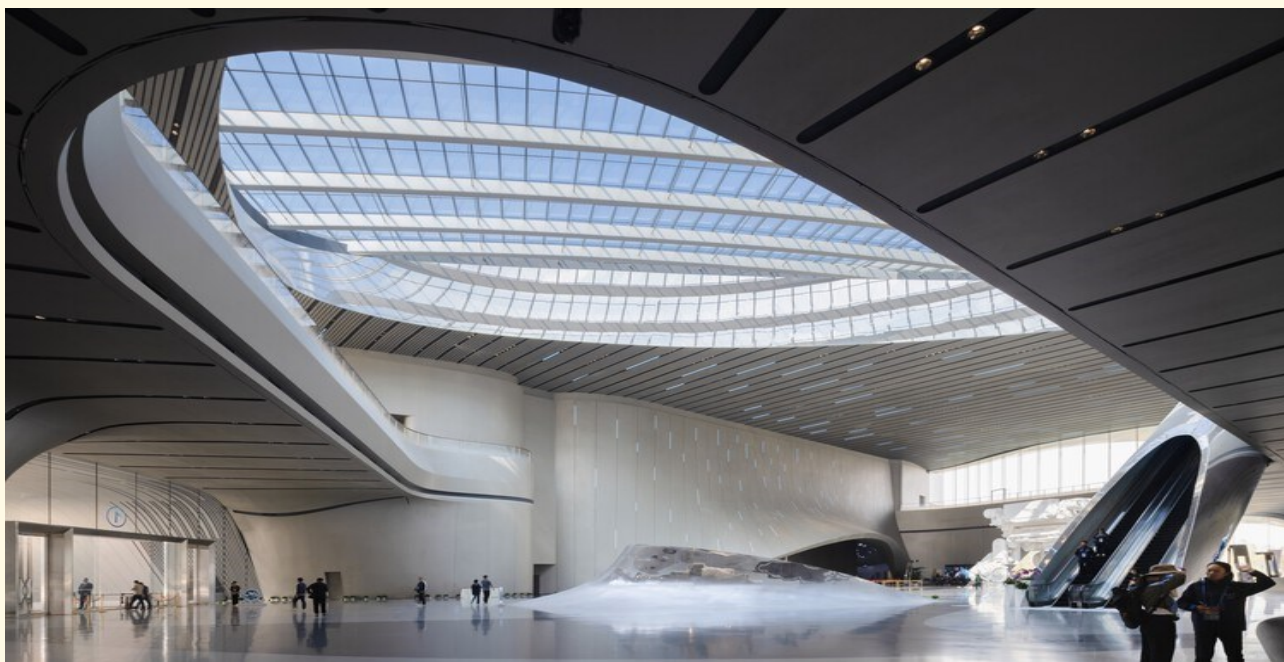
Музей научной фантастики находится в Новом городе науки и инноваций, расположенном рядом с живописным озером Цзинжун. Дизайн органично вписывается в окружающую природу, создавая гармоничную связь между музеем и безмятежной парковой зоной, которая его окружает.

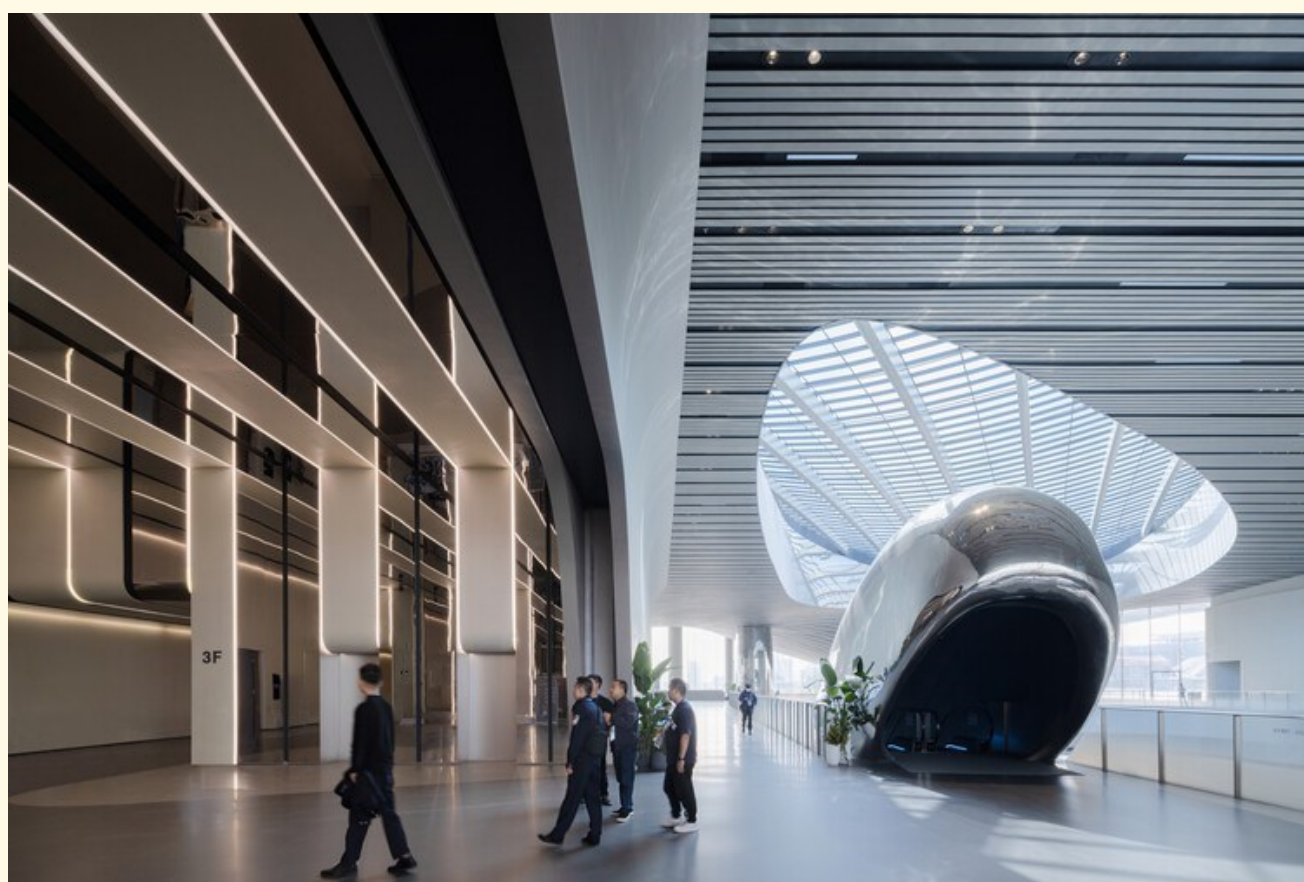
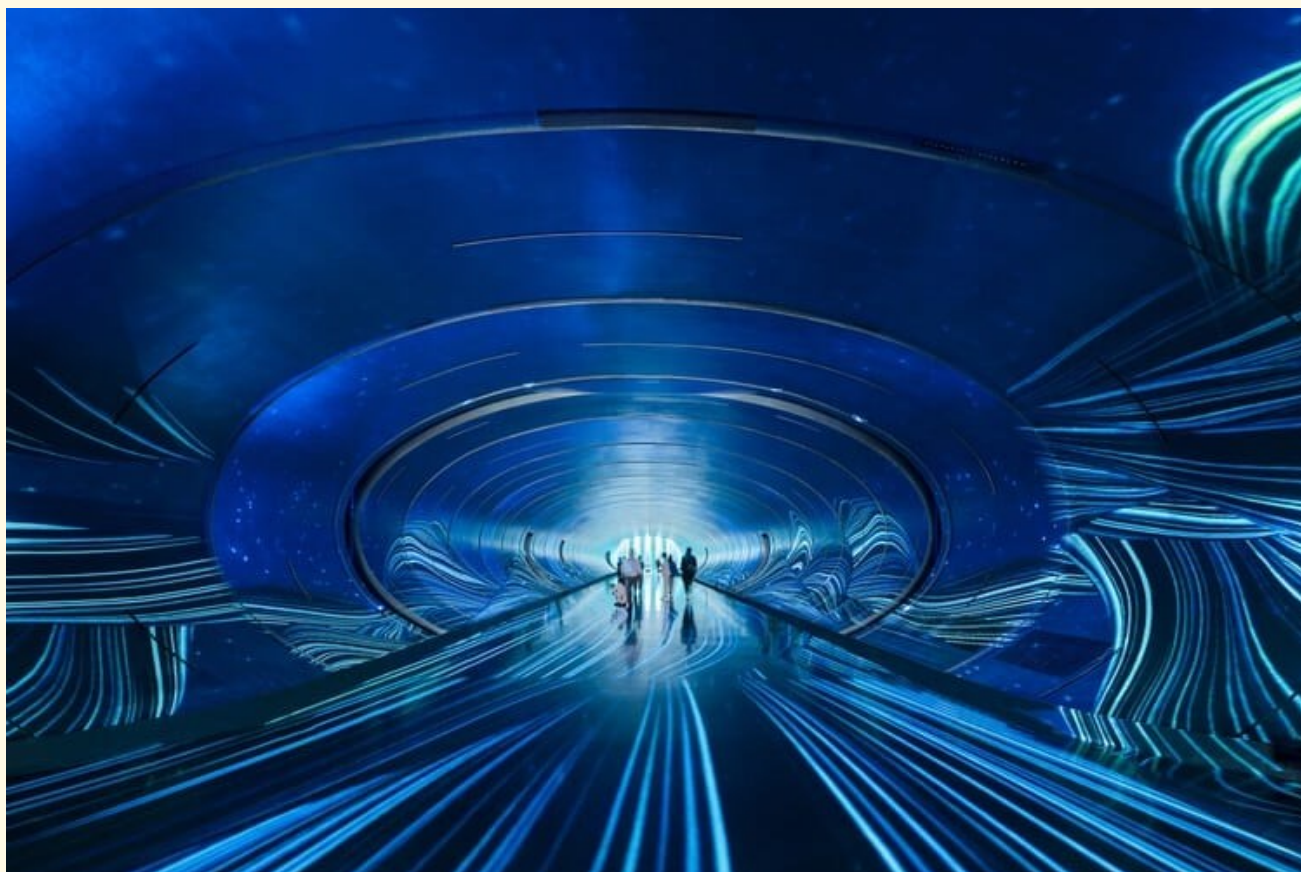
Крыша музея напоминает расширяющееся облако туманности, исходящее из центральной точки, похожей на звезду. Этот небесный мотив придаёт музею особый облик и служит метафорой моста между жизненным опытом и безграничным воображением. Создаётся впечатление, что сооружение парит над поверхностью озера, создавая уникальное сочетание архитектурной и природной красоты.

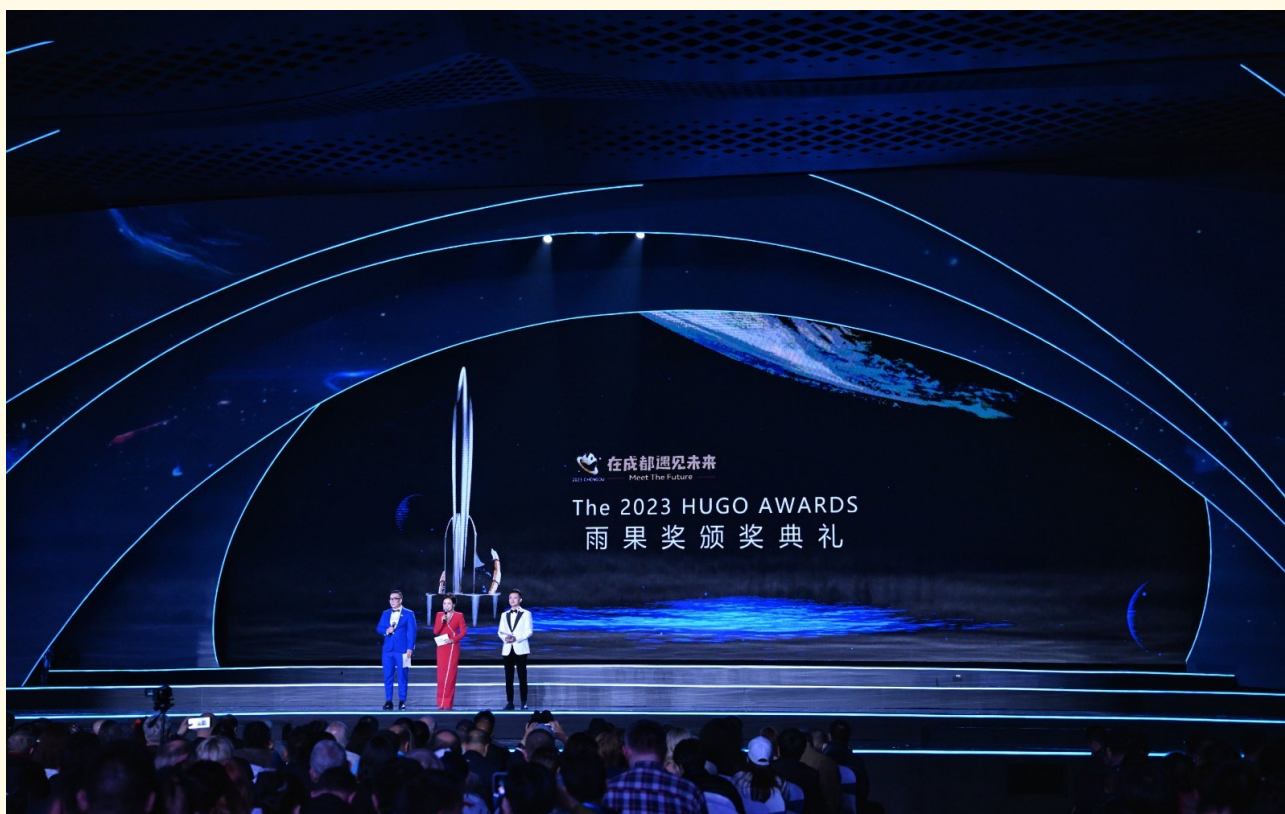




Музей научной фантастики занимает пространство площадью 59 000 квадратных метров и включает ряд помещений: выставочные пространства, зоны для проведения конференций, галереи, атриум, зрительские залы, открытый парк, ресторан, кафе и другие удобства для посетителей. Переходы между пространствами выглядят как туннели из научно-фантастических фильмов.







Фотографии с церемонии проведения Всемирного конвента
в Музее научной фантастики.





Из Фантастики в Реальность



*То, что сегодня является фантастикой,
завтра вполне может стать реальностью*

Сэм Московиц

В Соединённых штатах Америки планируют принять поправку, согласно которой все новые машины, проданные после 2026 года, должны быть оснащены технологией, способной автоматически выключать двигатель транспортного средства. Это произойдёт, если система автомобиля, созданная на базе искусственного интеллекта, решит, что водитель находится в неадекватном состоянии и не может должным образом управлять автомобилем. Подобным «выключателем» должен быть, согласно не принятой поправки к закону, оснащён любой легковой или грузовой автомобиль или даже мотоцикл!

Филип К. Дик, как всегда, предвосхитил наши ночные кошмары. В его романе 1963 года «Игроки с Титана» аэромобиль вступает в спор с водителем – и побеждает:

«Ночь выдалась неудачной, и при попытке сесть за штурвал, чтобы добраться домой, он здорово поцапался с аэромобилем.

— Мистер Гарден, в таком состоянии управлять вам нельзя. Пожалуйста, включите автоматику и устраивайтесь на заднем сиденье.

Пит Гарден сел за штурвал и, насколько мог, чётко произнёс:

— Слушай, управлять я могу. Из-за лишнего глотка поднимать шум! Перестань валять дурака! — Он стукнул кулаком по кнопке стартера, но безрезультатно. — Заводись, черт бы тебя побрал!

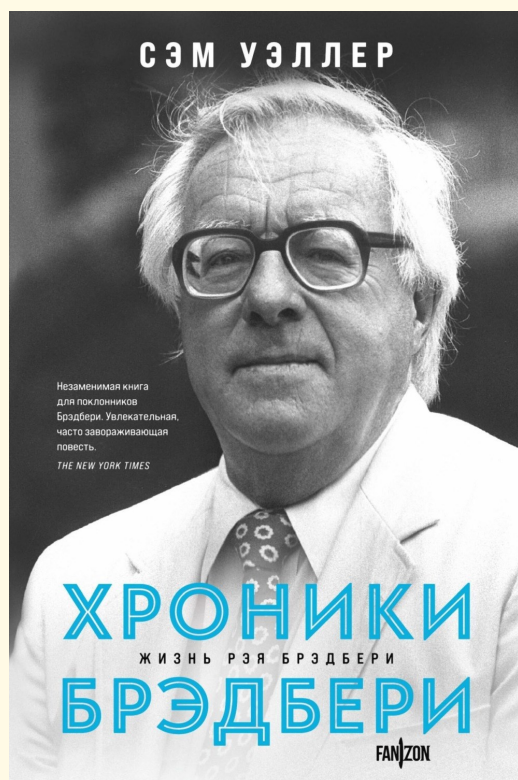
Из автоматического устройства прозвучало: Вы не вставили ключ.

— Ладно, — почувствовав себя униженным, сказал он. Может быть, аэромобиль прав. Неохотно вставил ключ. Двигатель завёлся, но рычаги управления все равно бездействовали. Он знал, что под капотом двигателя вмонтирован рашмор — спорить было бесполезно. — Хорошо, я позволю тебе управлять, — заявил он с самым достойным видом, какой мог себе придать. — Если так жаждешь. Ты, я надеюсь, справишься, как всегда, когда я... неважно себя чувствую.

Пока аэромобиль, сверкая сигнальными огнями, взлетал с мостовой и поднимался в ночное небо, Пит вполз на заднее сиденье и улёгся на него. Боже, как ему было плохо! Голова раскалывалась».



Книжная полка



Сэм Уэллер

Хроники Брэдли: Жизнь Рэя Брэдли

Недавно на русский язык перевели работу Сэма Уэллера, посвящённую биографии Рэя Брэдли. Оригинальная книга появилась в далёком 2005 году, когда писатель-фантаст был ещё жив. Однако данное обстоятельство несколько не преуменьшает значимость биографии.

Книга Уэллера — это, прежде всего, тщательно исследованное произведение научной фантастики Брэдли. Указатель ссылочного материала занимает почти четверть объёма литературы. Цитаты из других научно-популярных работ о Брэдли и отрывки из многочисленных интервью дополняют текст. Честное и тщательно проведённое исследование вызывает образ не агиографического (хотя автор не скрывает, что он фанат

ных интервью дополняют текст. Честное и тщательно проведённое исследование вызывает образ не агиографического (хотя автор не скрывает, что он фанат

Брэдбери, и можно почувствовать, как автор радуется каждому успеху писателя), но неизменно подлинного, живого Брэдбери.

Уэллер исследует множество противоположных элементов в характере Брэдбери, например, тот факт, что, хотя он писал о будущем и развитии технологий (предупреждая нас, чтобы мы были внимательны к их использованию), он никогда не водил автомобиль и не пользовался компьютером. Уэллер также сообщает, что, несмотря на то, что автор дожил до восьмидесятипятилетнего возраста (на момент написания книги), он всегда оставался чувствительным и сентиментальным — в душе ребёнок, настоящий Питер Пэн.

«Хроники Брэдбери» показывают, как важные события из жизни автора влияли на его произведения, что естественно, поскольку художник слова и человек — одно и то же, и события в жизни человека влияют на то, что создаёт художник. Однако многие биографические вещи скрываются на заднем плане истории Уэллера. Настоящая тема — это ответ на вопрос: как Рэй Дуглас Брэдбери, мальчик, родившийся в Уокегане, штат Иллинойс, в эпоху джаза и повзрослевший во время Великой депрессии в Лос-Анджелесе, стал Рэем Брэдбери, писателем?



Брайан Олдисс

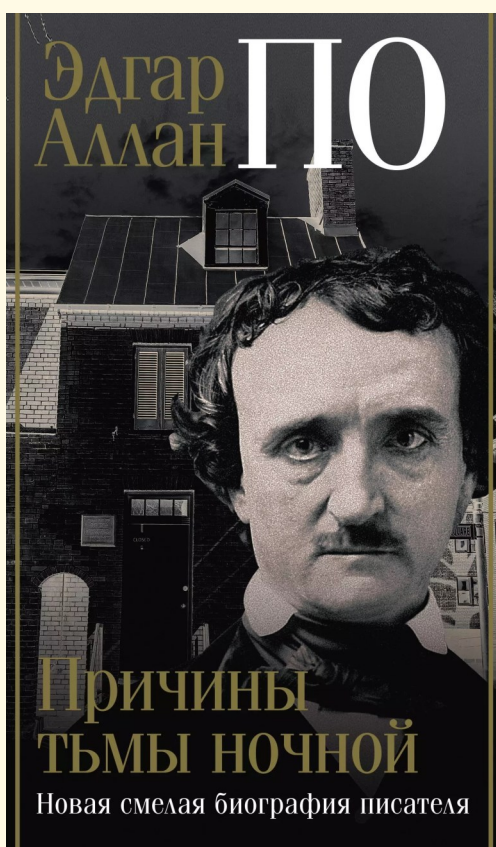
Похороните моё сердце в большом книжном магазине

Недавно в самзидате появилась книга корифея научной фантастики Брайана Олдисса «Похороните моё сердце в большом книжном магазине» (в оригинале — *Bury My Heart at W.H.Smith's*), которая в целом представляет собой собрание мыслей, идей, эссе и размышлений о писательской жизни признанного автора.

В книге отсутствует какая-либо искусственность, Олдисс рубит правду матку, и отмечает, что часто фэны разочаровываются видя своих писателей-кумиров воплоти, такими, какие они есть. Однако он не пытается придать себе более аппетитный образ, хотя и мог бы. Он опи-

сывает довольно навязчивый, часто затворнический и смертельно скучный процесс «быть» писателем без прикрас. Олдисс довольно откровенен и в том плане, что не так сложно стать писателем, как в том, чтобы продолжать им быть.

Книга рекомендуется всем, кто интересуется жизнью Олдисса, а также работой и карьерой писателя-фантаста, хотя будьте готовы к десятилитровым вёдрам холодной воды, которые Олдисс выливает под предлогом рассказа о «литературной жизни».



Джон Треш

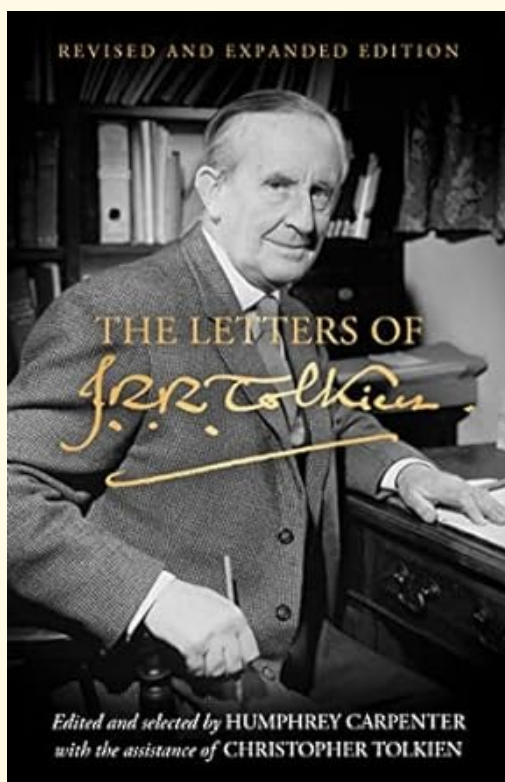
Эдгар Аллан По. Причины тьмы ночной

Книга Джона Треша повествует о трагических подробностях жизни По параллельно рассказывая о развитии научных исследований и прогрессе начала XIX века. Треш выдвигает тезис о том, что произведения По следует рассматривать в контексте его интереса к науке. Поэтому Треш прослеживает жизнь По и сосредотачивается на том, как бурный мир науки XIX века повлиял на его литературные произведения.

Если вы являетесь поклонником литературы, философии или истории науки, то почти наверняка сочтёте эту книгу довольно интересной. Даже заядлые поклонники По, вероятно, найдут небольшие крупинки новой информации и полу-

чат более всестороннее и сложное представление о любимом писателе.

В целом книга представляет собой увлекательный портрет трагичной, противоречивой и короткой жизни Эдгара Аллена По, но с интересным и новым акцентом влияния зарождающейся науки на По и его склонность к романтизму. Несмотря на то, что в некоторых местах вклад По в научные исследования преувеличен, Треш призывает читателей все же его признать. Однако для тех, кто никогда не интересовался биографией По, это отнюдь не лучшая книга с которой стоит начинать знакомство с жизнью американского писателя.



Письма Дж. Р.Р. Толкина: переработанное и расширенное издание

Новинка на английском языке. В ноябре вышло новое издание эпистолярного наследия автора «Хоббита» и «Властелина колец», включающее более 150 ранее не публиковавшихся писем.

Одной из наиболее заметных характерных черт личности Толкина, проявляющейся в письмах, является его постоянное ворчание. Примечательно, что многие письма изобилуют жалобами на слабое здоровье – как его собственное, так и членов его семьи – а также на финансовые трудности. Учитывая коммерческий успех «Властелина колец», можно было бы предположить, что Толкин прожил финансово обеспеченную и комфортную жизнь. Однако стоит помнить, что к моменту публикации

«Властелина колец» ему было уже более 60 лет, и большую часть жизни он изо всех сил пытался прокормить семью, подрабатывая экзаменатором в Дублинском университетском колледже (ещё один источник ворчания в его письмах). Несмотря на эти трудности, письма показывают, что Толкин переносил бремя с хоббитским юмором. Но его ворчание становилось всё серьезнее, когда писатель задумывался о состоянии мира.

Как показывают письма, Толкин был моралистом и консерватором. Его традиционализм был настолько острым, что он оплакивал создание даже самых фундаментальных технологий современного общества: «Как бы мне хотелось, чтобы двигатель «адского сгорания» никогда не был изобретён». Точно так же письма Толкина показывают, что он противник глобализма: мир «становится одним проклятым провинциальным пригородом», жалуется он сыну Кристоферу.

Для поклонников Средиземья расширенное издание также многое расскажет о создании «Властелина колец» и философии Толкина. С этой точки зрения центральным элементом книги может стать восстановленный текст письма под номером 131. Оно даёт полный отчёт автора о его вымышленной мифологии, начиная с Первой эпохи и заканчивая событиями мира эпохи событий трилогии «Властелина колец». Это колоссальное письмо объёмом в 10 000 слов, было написано потенциальному издателю в 1951 году. Стоит надеется, что новое издание писем профессора вскоре переведут на русский язык.



Почтовая станция

Вот и подошёл к концу первый номер нашего киберзина «НИИЧАВО», однако расстраиваться рано! Редакция издания предлагает всем желающим поучаствовать в создании следующего номера, который появится 1 марта 2024 года. Для этого стоит отправлять свои материалы (интересует история отечественного фэндома с фотографиями, воспоминания о Клубах Любителей Фантастики, критика фантастики) или переводы статей по адресу:

Александру Привалову

Советский Союз

Китеж-град

ул. Братьев Стругацких, д. 1, кв. 42

Хотя, лучше пишите на Электронную почту: niichawo@internet.ru

Также мы хотели бы получить Ваши отзывы и предложения, что понравилось или не понравилось в нашем киберзине, мы постараемся все учесть и сделать следующие номера более интересными, качественными и познавательными.

P.S. Информация для желающих поддержать журнал донатом, дабы вдохновить его создателей на новые интересные публикации: номер карты Сбера 4279 3806 3289 1869 .

